

ИЗЪ КАВКАЗСКОЙ ЖИЗНИ

1848 ГОДЪ ВЪ ДАГЕСТАНѢ.

Гергебиль былъ взятъ, и экспедиція 1848 года въ ДагестанѢ считалась конченною. Часть отряда была распущена; въ Кумухскомъ ханствѣ оставались четыре батальона ширванскаго полка, занятые частью устройствомъ дорогъ, частью охраненіемъ ханства отъ набѣговъ непріятеля чрезъ горы, непокрытыя еще снѣгомъ.

1848-й годъ былъ первымъ въ моей военной жизни. Я служилъ подъ начальствомъ командира ширванскаго полка, полковника Манюкина (нынѣ генералъ-лейтенантъ, начальникъ 8-й пѣхотной дивизіи). Отрядъ нашъ все лѣто оставался въ бездѣйствіи на высотахъ Турчи-Дага. Съ этихъ высотъ, покрытыхъ непроницаемыми туманами и орошаемыхъ непрерывными дождями, мы прислушивались къ боевому шуму доносившемуся до насъ изъ Гергебиля. Въ концѣ августа мы спустились съ горы и расположились лагеремъ въ окрестностяхъ Куркю. Дагестанскій сентябрь дѣлалъ лагерную жизнь несносною; вокругъ все было спокойно; предполагали, что экспедиція кончена, и я терялъ надежду познакомиться въ этомъ году съ настоящею боевою жизнью.

Еще во второй половинѣ августа доходили до насъ темныя слухи о большихъ сборахъ непріателя; но гдѣ и куда онъ готовился вторгнуться—это оставалось тайною; въ концѣ мѣсяца было получено свѣдѣніе, что непріатель намѣренъ напасть на Самуръ; съ тѣхъ поръ извѣстія о вторженіи повторялись очень часто, со всѣхъ сторонъ. Наконецъ, въ первыхъ числахъ сентября, все это разрѣшилось вѣстью, что Даніель-Бекъ вторгнулся въ Самурскій округъ, дошелъ до селенія Ратуна, но будучи встрѣченъ нашею милиціей, долженъ былъ отступить на верховья Самура. На этомъ замолкли грозныя вѣсти. Легко понять, почему ахтинское вторженіе застало насъ врасплохъ: куча тревожныхъ свѣдѣній, противурѣчивыхъ и преувеличенныхъ, имѣли характеръ мистификаціи и располагали къ недовѣрчивости. И снова водворился миръ въ лагеряхъ подъ Кумухомъ. Вдругъ, 10-го сентября, скачетъ нарочный прямо къ Манюкину; бумага была отъ подполковника Стѣраковского, воинскаго начальника въ укрѣпленіи и аулѣ Курагъ; ¹ онъ писалъ, что непріатель 8-го сентября въ большихъ силахъ вторгнулся въ Самурскій округъ и идетъ на Ахты. Кюринскія владѣнія были въ тревогѣ, и для безопасности Курага онъ требовалъ батальонъ пѣхоты. Извѣстіе было положительное и не допускало сомнѣній. Не медля, Манюкинъ отправилъ въ Курагъ первый батальонъ своего полка съ двумя горными орудіями, стянулъ остальные батальоны и донесъ князю Аргутинскому о своихъ распоряженіяхъ. Донесеніе опоздало: въ тотъ же день князь Аргутинскій получилъ въ Шурѣ свѣдѣнія о ходѣ дѣлъ, собралъ отрядъ и двинулся на Самуръ. Съ полнымъ недовѣріемъ къ вѣрности послѣдняго свѣдѣнія, съ насмѣшками надъ замѣшательствомъ комендантовъ Ахтовъ и Курага, мы шли въ Курагъ въ пріятномъ убѣжденіи, что будемъ на зимнихъ квартирахъ прежде другихъ. 12-го числа 1-й батальонъ Ширванцевъ пришелъ въ Курагъ, сдѣлавъ въ двое сутокъ сто верстъ. Не вдалекѣ отъ аула насъ встрѣтила толпа растрепанныхъ Татарокъ, съ воплями о помощи; мудрено было добратся толку въ смѣшанныхъ крикахъ, гдѣ безпрестанно повторялись имена Шамиля, Гаджи-Мурада,

¹ Въ Кюринскомъ ханствѣ, на главной нашей дорогѣ съ рѣки Самура въ Кумухъ.

Даніель-султана; въ видѣ поясненія онѣ указывали на гору вправо отъ дороги, но мы видѣли тамъ лишь нѣсколько всадниковъ и ничего не понимали. Вопиющая толпа провожала насъ до аула; тамъ били тревогу; гарнизонъ стоялъ подъ ружьемъ; на сакляхъ разбѣгались значки вооруженныхъ Татаръ; чиновники госпиталя съ кинжалами и шашками наголо; всѣ растерялись, но никакихъ мѣръ не принимали, потому что никто не зналъ причины тревоги. Увѣряли, что авангардъ Шамиля былъ уже въ виду Курага, но мы имѣли много причинъ сомнѣваться въ этомъ. Насъ прятали какъ избавителей, намъ старались доставить всѣ удобства, но Курагъ не славится постройками, и гости были помѣщены въ холодныхъ сакляхъ.

14 го числа прискакалъ гонецъ изъ Ахтовъ, съ увѣдомленіемъ, что самъ Шамиль въ селеніи Ахтахъ, близъ укрѣпленія, и что Самурскій округъ въ полномъ возстаніи. Эта новость раскрыла намъ глаза, показавъ всю важность вторженія, подвергавшаго опасности Дагестанъ и Кубинскій уѣздъ; остроты наши надъ комендантами прекратились, а о зимнихъ квартирахъ перестали и думать. Мы находились въ двадцати-четырехъ верстахъ отъ Ахтовъ, и мѣры предосторожности были не лишними; немедленно три роты ширванцевъ съ двумя орудіями заняли позицію подъ Курагомъ; одна рота съ двумя линейными составили гарнизонъ укрѣпленія. Татары вооружились, и Курагъ снова взволновался; женщины снова стали проливать слезы и перетаскивать имущество въ госпиталь; а смотритель госпиталя, указывая на примѣръ Парижа въ томъ же 1848-мъ году, устраивалъ завалы на крышахъ своихъ владѣній; туда выносили койки, бочки и всякую лазаретную рухлядь. На площади, въ лавкѣ Цурикова, происходилъ рядъ военныхъ совѣщаній, а вокругъ толпились вооруженные чиновники; но непріятель не показывался, и къ ночи все пріутихло. Не могли только успокоиться войска на бивакѣ; морозъ и воспрещеніе раскладывать огни не давали имъ спать, а длинная ночь и ледяной вѣтеръ часто вынуждали прибѣгать къ горячительнымъ напиткамъ. 16-го пріѣхалъ къ намъ дербентскій военный губернаторъ, князь Гагаринъ ¹, и принялъ на-

¹ Убитъ въ Кутаисѣ въ 1857 году, будучи генералъ-губернаторомъ кутаисскимъ.

чальство надъ войсками въ Курагѣ. Онъ объявилъ, что горцы съ Гаджи-Мурадомъ дошли до Хазры (на рѣкѣ Самурѣ, въ сорока пяти верстахъ ниже Ахтовъ). Для того чтобы остановить ихъ движеніе, онъ послалъ первый батальонъ Ширванцевъ чрезъ село Кабиръ къ селу Кыркъ, лежащему на спускѣ къ Самуру верстахъ въ десяти отъ Хазровъ; но такъ какъ Гагарину не извѣстны были силы непріятеля направленные къ Хазрамъ, то намъ приказано было до Кырка сдѣлать два выстрѣла изъ горныхъ орудій, и, давъ такимъ образомъ знать о присутствіи нашихъ войскъ противъ Хазровъ, идти обратно въ Курагѣ. Разстояніе отъ Курага до Кырка верстъ сорокъ; къ вечеру мы были уже недалеко отъ Кырка, но гонецъ догналъ насъ съ приказаніемъ немедленно вернуться и спѣшить въ Курагѣ. После короткаго отдыха, мы пошли назадъ темною ночью, подъ проливнымъ дождемъ, но съ надеждой ночью же дойти до цѣли и присоединиться къ отряду, который по нашимъ расчетамъ долженъ былъ уже придти въ Курагѣ. Въ семи верстахъ отъ Кабира насъ встрѣчаетъ новый гонецъ съ приказаніемъ опять идти по прежнему назначенію, и съ извѣстіемъ о прибытіи въ Курагѣ князя Аргутинскаго. Признаюсь, это приказаніе, вмѣстѣ съ предыдущими обращавшее насъ въ машину для періодическаго мѣшанія грязи между Курагомъ и Кыркомъ, удалявшее насъ съ неопредѣленною цѣлью отъ отряда, тогда какъ каждую минуту слѣдовало ожидать открытія военныхъ дѣйствій, никому не понравилось; уныло поворотили мы въ Кабиръ, и пришли туда среди ночи, сдѣлавъ почти безъ отдыха 49 верстъ.

На другой день мы едва убѣдили командира батальона, полковника Пирогова, не трогаться изъ Кабира въ ожиданіи какого-нибудь приказанія прямо отъ Аргутинскаго; въ самомъ дѣлѣ, въ 9 часовъ утра, оно явилось слѣдовать въ Курагѣ и присоединиться къ отряду; забывъ усталость, мы весело пошли вверхъ по ущелью. На дорогѣ намъ сказали о выступленіи отряда въ Ахты; мы ускорили шагъ и вскорѣ увидѣли наши войска, которыя змѣей ползли на высокой и крутой подъемъ. Эта была первая колонна, вторая находилась еще въ одномъ переходѣ отъ Курага. Намъ передали приказаніе слѣдовать въ первой колоннѣ; въ 11 часовъ ночи мы присоединились къ ней и составили такимъ образомъ отрядъ изъ трехъ ширванскихъ и одного аншеронскаго

батальйона, четырехъ горныхъ орудій, и множества милиціи Кюринскаго ханства. Безпрестанныя передвиженія, такъ насъ утомившія, оставались для насъ совершенно непонятными, и теперь мы принялись за изысканіе ихъ причинъ. Отправляя насъ въ Кыркъ, Гагаринъ имѣлъ, кажется, въ виду хоть что нибудь сдѣлать до прибытія Аргутинскаго; но узнавъ, что Аргутинскій ѣдетъ, онъ воротилъ насъ, опасаясь что движеніе не будетъ согласно съ общимъ планомъ. Аргутинскій пріѣхалъ, спросилъ гдѣ первый батальйонъ; Гагаринъ доложилъ ему, что онъ отправленъ въ Кыркъ. Аргутинскій былъ недоволенъ безцѣльнымъ распоряженіемъ, отвлекавшимъ отъ отряда цѣлый батальйонъ; но зная, что батальйонъ возвратится на другой день и примкнетъ ко второй колоннѣ, онъ сказалъ недовольнымъ тономъ: „Пускай идетъ“. Гагаринъ, не ожидавшій такого оборота, не рѣшился объявить, что батальйонъ идетъ уже обратно и немедленно послалъ приказаніе идти на Кыркъ. Вотъ это-то приказаніе застигло насъ ночью, на дорогѣ къ Курагу, и было такъ тягостно для насъ. Если мы на другой день, 17-го, присоединились къ отряду, то обязаны этимъ только тому, что не исполнили буквально третьяго приказанія князя Гагарина: „идти на Кыркъ безостановочно“, а запоздали въ Кабирѣ. Если въ окрестностяхъ Хазровъ еще не было непріятеля, то наше появленіе у Кырка осталось бы безъ цѣли; въ противномъ случаѣ два выстрѣла и затѣмъ немедленное отступленіе не устрасили бы непріятеля и не ободрили бы нашихъ. Слѣдовательно, ни въ какомъ случаѣ первый батальйонъ Ширванцевъ не принесъ бы Хазрамъ ни матеріальной, ни моральной пользы.

17-го, вскорѣ по пріѣздѣ Аргутинскаго, прискакалъ въ Курагъ, измученный и оборванный капитанъ Бучіевъ, посланный наканунѣ изъ Ахтовъ отъ полковника Рота. Весь округъ былъ въ возстаніи, 14-го числа скопища Шамиля въ числѣ 15.000 человекъ осадили Ахты; непріятельская граната взорвала нашъ пороховой погребъ, и осаждающіе штурмовали разрушенный бастіонъ, но были отбиты; полковникъ Ротъ и нѣсколько офицеровъ были ранены; убыль гарнизона очень велика; капитанъ Новоселовъ принялъ начальство; а непріятель, продолжая осаду, сталъ распространяться внизъ по Самуру.

Такой грозный оборотъ дѣла вынудилъ Аргутинскаго, не

ожидая сбора всего отряда въ Курагѣ, немедленно идти впередъ съ войсками бывшими подъ рукой. 18-го, въ 4 часа утра, онъ двинулъ первую колонну на Ахты, пославъ сказать остальнымъ войскамъ, состоявшимъ изъ самурцевъ, дагестанцевъ, аншеронцевъ, дивизиона драгунъ, сотни донскихъ казаковъ и 6 горныхъ орудій, чтобъ они спѣшили къ головной колоннѣ. Въ 8 часовъ мы были въ виду Ахтовъ и слышали артиллерійскіе выстрѣлы укрѣпленія. Къ полудню показалась голова колонны, слѣдовавшей изъ Курага, и князь, не ожидая пока она стянется, двинулъ три батальона ширванцевъ и четыре орудія на Ахты. Селеніе Гра было занято горцами, устроившими заваль на ближайшей высотѣ; значки показывали присутствіе многочисленной партіи, и пройти по дорогѣ можно было только съ боя; вѣроятно это обстоятельство вынудило Аргутинскаго идти безъ дороги, мимо Гра, по лѣвому хребту ущелья. Мы шли извиваясь по горамъ, отыскивая доступные спуски; но покатоности были такъ сильны, земляныя осыпи такъ круты и опасны, что мы спускали лошадей и артиллерию съ величайшею осторожностью, переноса иногда вьюки на рукахъ. Часто тропинка, пробитая стадами овецъ, терялась, увлеченная осыпью; тогда саперы возобновляли ее тонкою полосой, едва достаточною для прохода одного человѣка. Крутые и короткіе зигзаги по обрывамъ въ 60 и 70° требовали иногда до двадцати человѣкъ для спуска маленькаго горнаго лафета. Послѣ утомительнаго 5-ти часоваго марша, 1-й батальонъ съ 2-мя орудіями и ракетной командой дошелъ до Самура. Остальные два батальона были эшелонированы по спуску. Съ радостными криками бросились мы на оконечность хребта; Ахты, окруженныя многочисленнымъ непріателемъ, открылись во всей красотѣ ихъ разрушенія, но мостъ черезъ Самуръ горѣлъ, и мы остановились. Густыя толпы непріателей съ восточной стороны крѣпости заколыхались подъ нашими гранатами и ракетами, а смѣлая, до неосторожности вылазка сорока или пятидесяти человѣкъ ободреннаго гарнизона обратила ихъ въ бѣгство. 1-я гренадерская рота спустилась къ рѣкѣ и открыла огонь по ближайшимъ частямъ непріателя. Намъ открывалась вся долина Ахтовъ, и мы съ жаднымъ любопытствомъ впивались во всѣ подробности дѣла. Надъ строю массой аула развѣвалось знамя Шамиля; сады, скалистое русло Ахты-чая и

всѣ углубленія мѣстности были наполнены густыми толпами горцевъ съ многочисленными значками. Въ особенноти много ихъ гнѣздилося на Ахты-чаѣ Бастіонѣ, разрушенный взрывомъ, былъ укрѣпленъ кулями съ мукой, и въ немъ былъ устроенъ такой же ретраншаментъ; весь брустверъ укрѣпленія, имѣвшій только поясную высоту, былъ дополненъ кулями. Противъ 1-го бастіона видны были подступы осаждающихъ; мостовое укрѣпленіе на Самурѣ было во власти непріателя. Внутренность укрѣпленія пострадала отъ взрыва; никто не могъ показаться открыто на валу, потому что горцы стрѣляли безпрерывно. Ахты очевидно были въ положеніи опасномъ, но мы только въ послѣдствіи узнали всѣ бѣдствія гарнизона. Мы переговаривались съ гарнизономъ криками; Аргутинскій велѣлъ сказать: „приготовьте мостъ, а я скоро приду.“ Намъ отвѣчали: „нѣтъ бревенъ, мало людей.“ Конные мюриды, съ ловкостью свойственною горцамъ, переходили Самуръ версты полторы ниже Ахтовъ, по броду почти непроходимому, и тянулись въ ущелье влѣво отъ насъ. Могли ли мы воспользоваться этимъ бродомъ, перейти черезъ Самуръ и освободить Ахты? Я не думаю: сдѣлать переправу подъ огнемъ многочисленнаго непріателя, штурмовать террасы противнаго берега, не успѣвъ еще поставить на немъ ноги, едва ли было возможно. Аргутинскій съ тоской смотрѣлъ на Ахты. „Захаръ Степановичъ, сказалъ онъ обращаясь къ Манюкину и указывая на Ахты,—здѣсь можетъ быть потеряно все, надѣ чѣмъ я трудился шесть лѣтъ!“ Наконецъ онъ приказалъ отступать, и прибавилъ: „Теперь наше отечество — отрядъ.“ Не припомню, чтобы мнѣ случилось когда-нибудь видѣть испугъ, подобный испугу артиллеристовъ въ эту минуту; молодой офицеръ Добровольскій, командовавшій нашими орудіями, блѣдный какъ полотно, не твердымъ голосомъ приказалъ озадаченнымъ людямъ навьючивать, и было отъ чего испугаться. Въ три послѣдніе дня люди и лошади 1-го батальйона и двухъ при немъ орудій выдержали всѣ возможныя невзгоды, не имѣя и шести часовъ въ сутки для отдыха, а послѣднее движеніе сдѣлало ихъ почти сонными. И вотъ, намъ надо было подниматься по дорогѣ, по которой мы насилу спустились днемъ, а тутъ наступала темная осенняя ночь и паденіе орудія куда-нибудь въ обрывъ, въ ущелье, занятое непріа-

телемъ, который уже приготовился насъ преслѣдовать, легко могло повлечь за собою его потерю, потому что отыскать его можно было только днемъ,—а что случилось бы до свѣта? За подобный случай, очень вѣроятный при такихъ обстоятельствахъ, отвѣтственность такъ тяжела для артиллерійскаго офицера, что мы сочувствовали грустному, почти безвыходному положенію товарища. Кромѣ того, забота объ орудіяхъ лежала также и на нашемъ батальонѣ, а перспектива тащить ихъ въ гору на рукахъ, или еще хуже, добывать ихъ со дна какой-нибудь трущобы, когда душа едва держится въ тѣлѣ, а о ногахъ и говорить нечего, сильно беспокоила насъ. Но возможно ли было оставаться на такой мѣстности, имѣя съ боковъ непріятеля! Я вспомнилъ мирную стоянку на Турчи-Дагѣ, порывы къ бою, тоску бездѣйствія и увидѣлъ, что я, какъ каждый новичокъ, и не подозревалъ, какая дорога ведетъ къ лаврамъ и славѣ. Но въ нашемъ положеніи было величіе; мы сознавали, что въ насъ спасеніе Дагестана, а слова князя: „отрядъ—наше отечество“, подтверждали наше сознаніе. Я былъ только зерно въ отрядѣ, а подлѣ меня стоялъ старый начальникъ; у ногъ его Ахты гибли медленно, но несомнѣнно; тамъ умирали такіе же солдаты, какъ и мы, тамъ были женщины, обреченныя на смерть или на участь хуже смерти. Вокругъ полуразрушенныхъ стѣнъ волновалось населеніе покорное намъ уже девять лѣтъ; паденіе укрѣпленія могло имѣть послѣдствіемъ возмущеніе всего Дагестана. Князь зналъ все это и не могъ подать руку Ахтамъ. Кто скажетъ, какія мысли тѣснились въ его свѣдой головѣ!

Въ 6 часовъ вечера, вооружившись храбростью и терпѣніемъ, мы побрели на верхъ, удаляясь отъ Ахты. Манюкинъ оставался съ нами. Горцы обходили насъ съ обѣихъ сторонъ; но скоро ночь закрыла все, не прекративъ однако перестрѣлки. Часовъ въ 7 непріятель добрался изъ Градо втораго эшелона; надъ нашими головами начался ружейный огонь, прерываемый выстрѣлами орудій; но совершенная темнота, не позволяя ни одной сторонѣ предпринять что-нибудь рѣшительное, дѣлала результатъ перестрѣлки почти ничтожнымъ. Цѣпляясь по обрывамъ, мы поднимались очень медленно, и скоро настала ожидаемая бѣда. Оставался только одинъ ужасный подъемъ, когда лошади

артиллеріи отказались идти далѣе; онѣ дрожали, качались подъ вьюками и вскорѣ начали падать. Подъемъ шелъ крутыми зигзагами по обрыву, на которомъ едва можно было держаться на ногахъ; упала лошадь съ зарядными ящиками, стоявшая къ несчастію уже довольно высоко надъ подошвою подъема. Поднялись страшные крики: „берегись! берегись!“ Посторониться было некуда—вездѣ люди и лошади, а съ боку обрывъ. Громъ и крикъ въ нѣсколько секундъ пролетѣли пространство, отдѣлявшее меня отъ лошади; свистъ камней, вопли и грохотъ, сливаясь въ одинъ гулъ и постепенно замирая, замолкли на днѣ пропасти. Я уцѣлѣлъ, получивъ только ударъ камнемъ въ шею, но лошадь сорвала капитана Гурскаго, бывшаго недалеко отъ меня, и опрокинула его съ тропинки. Нѣсколько времени считали его погибшимъ, но къ счастью онъ упалъ на мягкую осыпь и вышелъ на тропинку, отдѣлавшись ушибомъ и испугомъ. Лошадь, падающая ночью съ вышины обрыва, распространяетъ ужасъ на пути своемъ; кровь стынеть въ жилахъ и сердце замираетъ, когда закричатъ на верху: „лошадь падаетъ!“ Секунды ожиданія стоятъ пытки. Не прошло и десяти минутъ, какъ упалъ другой зарядный вьюкъ; лошадь подъ орудіемъ тоже упала, но была удержана молодцами-солдатами на тропинкѣ; орудія были на волосъ отъ гибели. Въ такой крайности всѣ вьюки сложили на тропинкѣ, предоставляя каждому шагать черезъ орудія, ящики, и пробираться подъ ногами лошадей. Оставалось одно средство—тащить артиллерию на рукахъ; двѣ роты взялись за работу, и къ 10-ти часамъ вечера мы достигли бивака. Положеніе наше было ужасно! Мы до крайности изнурили людей и лошадей, а впереди оставались еще двѣ трети подъема. Напрасно, чуть не съ мольбами, подносили лошадямъ ячмень; онѣ едва дышали и не дотрогивались до пищи. Меня терзали такія смутныя мысли, что иногда я забывалъ утомленіе, но жажда, которую нечѣмъ было утолить, мучила меня, и я со злостью жевалъ свинцовую пулю. Никогда не забуду я этой ночи! Бѣлыя облака легли на дно ущелій; они росли, поднимались и какъ будто потопляли каждый пройденный нами шагъ; облака застилали ахтинскую долину, но укрѣпленіе ясно обозначалось въ туманной глубинѣ. Надъ нимъ горѣло темнокрасными пятнами зарево зажженныхъ стоговъ сѣна и безпрестанно по-

являлись молніи артиллерійскихъ выстрѣловъ и струйки ружейнаго огня. Перестрѣлка и канонада значительно усилились послѣ нашего отступленія. Но мы тронулись, уступны горъ скрыли огненные пятна, только гулъ выстрѣловъ доносился до насъ. Послѣ самыхъ напряженныхъ усилій, въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, мы соединились съ третьимъ эшелономъ и продолжали тянуться къ верху.

Наконецъ показалась заря; мы ожили, какъ оживаетъ на разсвѣтѣ каждый кто провелъ ночь безъ сна и въ движеніи. Близкій конецъ мучительнаго положенія далъ намъ новыя силы; оставалось одно дурное мѣсто, но лошади не выносили болѣе выюковъ, и орудія повезли на колесахъ, поддерживая ихъ людьми, которымъ мѣстность позволяла идти выше тропинки. Пятнадцать человѣкъ держали канатъ, а орудія катились на одномъ колесѣ, повиснувъ другимъ надъ пропастью. Уже пройдена была большая часть полувоздушнаго пути, какъ вдругъ крикъ и грохотъ заставили насъ броситься назадъ: одного орудія какъ не бывало; вмѣстѣ съ лошадьми и однимъ солдатомъ оно рухнуло внизъ, но гдѣ оно остановилось въ своемъ паденіи, никто не зналъ; мы были уже въ полусвѣтѣ, а внизу еще темнота. Колонна остановилась; бѣдный нашъ артиллеристъ и съ нимъ 150 человѣкъ поползли внизъ, саженьяхъ въ 30 ниже тропинки, на травяномъ уступѣ, они нашли обѣихъ лошадей, которыя спокойно щипали траву, не обращая вниманія на людей; ¹ упавшій солдатъ жестоко ушибся и не имѣлъ силы вылѣзть на верхъ. На днѣ глубокаго ущелья нашли орудіе, и часа черезъ два послѣ паденія мы съ любопытствомъ разсматривали остатки лафета, которые съ трудомъ встали на верхъ. Орудіе оказалось въ цѣлости и это утѣшило артиллеристовъ; мы были довольны чужою радостью и тѣмъ что батальонъ счастливо отдѣлался, простоявъ только четыре часа: съ другими бывало хуже. Въ 9 часовъ утра мы соединились съ главными силами на вершинѣ хребта, послѣ 29 часовъ, проведенныхъ въ движеніи, безъ воды и пищи. Я ѣлъ какъ волкъ, спалъ какъ сурокъ и былъ совершенно счастливъ. Въ ночь съ

¹ При тяжелыхъ, даже смертельныхъ ранахъ лошади всегда щиплютъ траву, какъ будто сохраняя спокойствіе: но это происходитъ отъ испуга и потери сознанія.

18-го на 19-е мнѣ пришлось въ первый разъ извѣдать какъ неистощимы силы человѣка; сто разъ мнѣ казалось, что я лягу и умру отъ изнеможенія; но неумолимая необходимость двигаться, чувство долга и роковое „иди“ снова поднимали на ноги. Много разъ-еще мнѣ приходилось повторять этотъ опытъ, и я всегда получалъ одни и тѣ же результаты. 19-го была дневка; она была вынуждена утомленіемъ войскъ. Мы потеряли Ахты изъ вида, но пушечные выстрѣлы слышны были хорошо, давая знать, что укрѣпленіе еще продолжаетъ бороться. 20-го, мы шли горами по направленію къ Кабиру. Мюриды издали слѣдили за нами, но туманъ скрылъ насъ отъ ихъ вниманія. Къ вечеру мы спустились въ ущелье Кабиръ-чая, и послѣ не большаго отдыха, въ сумерки, двинулись далѣе, арріергардъ впереди авангарда, оставляя переднюю колонну въ хвостѣ,—движеніе часто употреблявшееся Аргутинскимъ, полезное для войскъ въ утомительныхъ переходахъ, потому что разлагаетъ тягость марша въ арріергардѣ на все войско. Находясь въ арріергардѣ, я съ удовольствіемъ воспользовался возможностью придти на мѣсто ночлега ранѣе другихъ; но мы и не подозрѣвали, сколько мы выигрывали передъ бѣднымъ авангардомъ. Нѣсколько времени мы тянулись вдоль по ущелью и поворотивъ направо, начали подниматься на гору; сильный дождь и темнота, не позволявшіе видѣть даже голову собственной лошади, задерживали насъ на каждомъ шагу; земляной подъемъ до того размыло, что люди и лошади ползли, скользили и падали. На встрѣчу изъ аула выбѣжали къ намъ Татары, освѣщая дорогу своими чирагами (ночниками), но дождь залилъ библейскіе освѣтительные приборы, и мы продолжали безславную борьбу съ темнотою и грязью, не имѣя даже свидѣтелей нашего мужества. Въ два часа по полуночи, пройдя аулъ, мы достигли мѣста ночлега, начавъ подниматься въ восемь часовъ вечера и сдѣлавъ, въ продолженіи шести часовъ, двѣ версты! Арріергардъ же, бывший авангардъ, явился къ намъ только въ восемь часовъ утра. 21-го дождь провожалъ нашъ подъемъ на гору. Кабиръ остался за нѣсколько верстъ въ сторонѣ, и скоро мы рѣшили задачу, куда идемъ. Съ гребня хребта открылась красивая долина Самура; тамъ свѣтило солнце, лѣсъ былъ зеленъ какъ весной, и шумѣлъ неугомонный Самуръ. Долина Самура хо-

роша и сама по себѣ, но еще болѣе для войскъ, возвращающихся изъ суроваго и голаго Дагестана; пріятный климатъ, изобиліе фуража и дичи, хорошія стоянки въ прочныхъ и чистыхъ сакляхъ, ласковые жители, и къ довершенію благополучія, едвали не самыя красивыя женщины цѣлаго Кавказа: онѣ такъ привлекательны, что сами горцы отличаются здѣсь угодливіостію къ прекрасному полу и вслухъ любятъ, когда дѣвушка гонитъ буйволовъ или съ неподражаемою граціей несетъ тяжелый кувшинъ воды. А Лезгинка въ праздникъ или на свадьбѣ, когда красавица завернетъ чадру вокругъ шеи, влетитъ въ кружокъ и броситъ смѣлымъ взглядомъ вызовъ молодежи... Но этотъ предметъ можетъ увлечь очень далеко; сказаннаго довольно, чтобы понять, почему у войскъ Дагестана лежитъ сердце къ Самурскому округу. Верстахъ въ пятнадцати выше Кырка мы спустились на Самуръ; мы не шли, а бѣжали съ горы. Мрачная и душная атмосфера ахтинской экспедиціи исчезла; непогода и таинственная будущность оставались позади, впереди было солнце, костры и непріятель! Мокрые какъ рыбы, мы весело переходили сердитый Самуръ. Переправа кавказской пѣхоты въ бродъ, черезъ бурную рѣку,—картина занимательная и для насъ, людей бывалыхъ, а для пріѣзжихъ на Кавказъ она поразительна: по грудь въ водѣ, которая не несетъ, а кидаетъ человѣка! кавказская пѣхота въ отдѣленіяхъ, рука подъ руку, съ ружьями черезъ плечо, съ пѣсенниками и музыкою впереди, валитъ черезъ ревущій потокъ, не теряя ни одного человѣка! Мы очутились въ тридцати двухъ верстахъ ниже Ахтовъ, на правомъ берегу Самура, и на другой день, такъ или иначе, должны были встрѣтить непріятеля. Костры изъ цѣлыхъ деревьевъ запылали на бивакѣ; теплый воздухъ пріятно ласкалъ насъ послѣ жизни черезъ чуръ суровой, и долго ночью стоялъ надъ огрядомъ веселый шумъ.

На этотъ ночлегъ пришли къ намъ два солдата, посланные наканунѣ изъ Ахтовъ къ князю Аргутинскому съ извѣстіемъ о бѣдствіяхъ крѣпости. Непріятель взорвалъ первый бастионъ и штурмовалъ оба разрушенные бастионы, но штурмъ, хотя и съ трудомъ, былъ отбитъ; гарнизонъ убылъ на половину: люди были утомлены до крайности усиленною дѣятельностію; въ водѣ и съѣстныхъ припасахъ былъ недостатокъ. Не оставалось сомнѣнія, что укрѣпленіе не вы-

держитъ слѣдующаго штурма, къ которому очевидно готовился непріятель. Солдаты-выходцы были одѣты оборванными Татарами; оба хорошо говорили по-тавлински и трудно было ихъ отличить отъ природныхъ Тавлинцевъ. Сюда же пріѣхалъ полковникъ Мищенко¹, кубинскій уѣздный начальникъ, и разказалъ занимательныя приключенія. Узнавъ о вторженіи въ Самурскій округъ, онъ собралъ кубинскую милицію и пошелъ вверхъ по Самуру развѣдать о непріятелѣ; отойдя верстѣ восемнадцать отъ Хазровъ, онъ расположилъ свою полутора-тысячную кавалерію отдохнуть, пославъ впередъ сильный разѣздъ; разѣздъ наткнулся на нѣсколько десятковъ конныхъ Лезгинъ, которые, не долго думая, гикнули на Кубинцевъ съ крикомъ: „Гаджи-Мурадъ!“ Разѣздъ назадъ, и давай кричать: „Гаджи-Мурадъ!“ Вся милиція на привалѣ подхватила этотъ крикъ, вскочила на лошадей и бросилась въ Хазры, не ожидая даже налета непріятели. Мищенко, видя малочисленность непріятели и подозрѣвая горскую хитрость, хотѣлъ остановить милицію, и незамѣтно, въ суетѣ, остался одинъ; тогда онъ принялся бѣжать, но погоня была все ближе и ближе. Мищенко свернулъ съ дороги вправо, въ лѣсистыя горы,—горцы за нимъ. Онъ доскакалъ до кустовъ и лѣса, бросилъ лошадь, и пѣшій, уже настигаемый горцами, бросился въ какую-то лѣсную тропу; часть Лезгинъ также пѣшкомъ бросилась за нимъ, но отыскать его не могли. Стемнѣло; Мищенко былъ спасенъ, и утромъ дошелъ до Хазровъ, гдѣ снова принялъ команду надъ своею храброю конницею. Много было смѣху при разказѣ Мищенки; онъ самъ смѣялся, сознаваясь, что при всемъ комизмѣ своего бѣгства ему тогда было не до смѣху.

Еще костры наши не потухли, а мы были уже на походѣ, и разсвѣтъ засталъ насъ въ дорогѣ. Первый батальонъ шелъ въ авангардѣ; этимъ оказано намъ было справедливо вознагражденіе за наши труды съ самаго начала экспедиціи. Пикеты непріятели, какъ испуганныя птицы, снимались и улетали при нашемъ появленіи. Въ укрѣпленіи тифлисскомъ мы нашли первые слѣды разрушенія и смерти; отъ него остались только стѣны, черныя отъ пожара, а дворъ наполненъ былъ убитыми небольшого гарнизона. Нѣ-

¹ Нынѣ генералъ-майоръ.

сколько убитыхъ лежали въ укрѣпленіи, и по положенію труповъ было видно, что гарнизонъ попался въ расплохъ и старался бѣжать въ горы. Всѣ трупы были раздѣты донага и жестоко изсѣчены шашками. Утихъ веселый говоръ; молча, опершись на ружья, смотрѣли солдаты на тѣла товарищей; негодованіе и злость горѣли въ ихъ глазахъ и еще болѣе омрачали ихъ почернѣвшія лица.

Колонна подъ командою начальника штаба дагестанскаго отряда, полковника Катера ¹, осталась у тифлисскаго, охраняя этотъ важный для насъ проходъ на случай отступленія; остальные войска пошли на Ахты. Придя на Микрахъ-чай, верстахъ въ двѣнадцати отъ Ахтовъ, мы увидѣли непріятеля въ двухъ верстахъ передъ собою. Долина была перерѣзана завалами, сложенными изъ большихъ камней: три завала тянулись по уступу хребта, отдѣляющаго Микрахъ-чай отъ Мескинджинской долины; правый флангъ импровизированныхъ укрѣпленій упирался въ неприступную гору, лѣвый доходилъ до обрыва въ Самуръ, а средній заваль, выступая передъ укрѣпленною линіей, обстрѣливалъ обѣ крайнія; гора была также занята горцами, а заваль кишѣлъ народомъ и пестрѣлъ значками; Лезгины, какъ муравьи, таскали камни и выводили стѣну. На горѣ былъ Кибитъ-Магома, наидъ телетинскій, а въ завалахъ Гаджи-Мурадъ и Даніель-бекъ. На возвышеніи, сзади завала, сидѣлъ на коврѣ лихой наѣздникъ Дагестана, окруженный чалмоносцами: начальствующіе Мюриды одинъ за другимъ подходили къ нему за приказаніями и скрывались въ толпѣ. Непріятель, сдѣлавъ намазъ, ожидалъ нашихъ дѣйствій.

Чтобы проникнуть въ Ахты, намъ предстояло на выборъ атаковать съ фронта сильную позицію, или обойти ее горами влѣво; но обходя днемъ, въ глазахъ непріятеля, былъ бы предупрежденъ, и расположеніе Кибитъ-Магомы доказывало, что Гаджи-Мурадъ не упустилъ его изъ вида. Надобно было ждать ночи, чтобы скрыть обходное движеніе. но исполнилось уже четыре дня, какъ мы бросили Ахты въ агоніи. Находясь теперь въ двѣнадцати верстахъ отъ Ахтовъ, мы не слышали пушечныхъ выстрѣловъ, несмотря на совершенную тишину; благоразумно ли было откладывать еще на неопредѣленное время спасеніе укрѣпленія?

¹ Нынѣ генералъ-лейтенантъ, сенаторъ.

Станувъ войска на Микрахъ-чай, князь Аргутинскій сдѣлалъ слѣдующія распоряженія для атаки мескинджинской позиціи: 1, 2 и 3 батальоны ширванцевъ, съ 4 горными орудіями, были назначены для штурма заваловъ; 2-й батальонъ апшеронцевъ и команда штурцмюхъ должны были прикрывать лѣвый флангъ штурмующихъ отъ покушеній Кибитъ-Магомы; а многочисленная конница, состоявшая изъ кубинцевъ, сотни донцовъ и двухъ эскадроновъ нижегородцевъ, подъ командой генералъ-майора Джафаръ-Кули Кубинскаго, должна была, перейдя Самуръ вѣвъ выстрѣла, пройти подъ скалами лѣваго берега, и, миновавъ заваль, снова выйти на правый берегъ въ тылъ непріятелю; остальная пѣхота составила резервъ на Микрахъ-чай, подъ командою командира апшеронскаго полка, полковника князя Орбеліани ¹. Штурмовыя колонны велъ Манюкинъ; на правомъ крылѣ, по Самуру, шелъ 3-й батальонъ майора Алтухова ², въ центрѣ 1-й батальонъ полковника Пирогова, на лѣвомъ крылѣ 2-й батальонъ подполковника Кишинскаго ³. Горцы, не отвѣчая на огонь нашей артиллеріи, неподвижно и молча слѣдили за движеніемъ пѣхоты; гранаты, падая въ заваль, колебали значки своими взрывами; но у подошвы высотъ насъ встрѣтилъ батальный огонь изъ всѣхъ заваловъ; 1-й батальонъ взялъ правѣе указаннаго ему направленія и оставилъ центральный заваль влѣво; кромѣ фронтальнаго огня, онъ попалъ подъ фланговый; избѣгая этого огня, пошелъ еще правѣе, наткнулся на 3-й батальонъ и прижалъ его къ обрывамъ въ Самуръ. Капитанъ Добрышинъ, командиръ 1-й гренадерской роты, и поручикъ Лазаревъ ⁴, командиръ 7-й егерской роты, желая прекратить замѣшательство и ускорить развязку, бросились съ своими ротами на заваль, но упали ранеными, а заваль оказался въ два роста человѣка. Тогда не осталось другаго средства какъ выждать атаку Кишинскаго, и Манюкинъ положилъ людей между камней передъ самымъ заваломъ. Кишинскій потянулся по подошвѣ горы; партія Кибитъ-Магомы съ гикомъ полетѣла внизъ, но огонь крѣпостныхъ ружей оста-

¹ Въ послѣдствіи генералъ-адъютантъ, тифлисскій военный губернаторъ.

² Въ послѣдствіи командиръ Впленскаго пѣхотнаго полка.

³ Въ послѣдствіи начальникъ 15 пѣхотной дивизіи.

⁴ Въ послѣдствіи генералъ-майоръ, управляющій Верхнимъ Дагестаномъ.

новилъ ее въ ружейнаго выстрѣла, и Лезгины ограничивались скатываніемъ камней на ширванцевъ; лишь нѣсколько головорѣзовъ сбѣжали до низу и были переколоты. Отдѣлавшись отъ Кибитъ-Магомы, Кишинекій медленно выбирался на крутую возвышенность, увѣчанную заваломъ праваго непріятельскаго фланга. У самаго завала онъ остановилъ батальйонъ, послалъ одну роту въ обходъ правой оконечности завала, и послѣ отдыха въ нѣсколько минутъ, ударилъ на непріятеля съ двухъ сторонъ; ружейный залпъ, посланный на встрѣчу 2-го батальйона, покрылъ завалъ облакомъ дыма; когда оно разсѣялось, солдаты закалывали на завалахъ остальныхъ мюридовъ. Радостное: ура, прокатилось по горамъ. Аргутинскій махнулъ шапкой; 1-й и 3-й батальйоны въ свою очередь кинулись на завалъ; разбрасывая камни, они ворвались въ него, но непріятель, потерявъ опору своей позиціи и угрожаемый обходомъ 2-го батальйона, не упорствовалъ въ защитѣ; нѣсколько ударовъ штыками очистили завалъ, и все скопище бросилось бѣжать. Между тѣмъ кавалерія Джафара-Кули, перейдя на лѣвый берегъ Самура, еще до открытія огня непріятелемъ, оставалась тамъ во все время дѣла; напрасно Аргутинскій, выходя изъ себя, трубилъ, желая тронуть эту массу: она въ всемъ спокойствіи не внимала сигналамъ и начала переходить Самуръ въ другой разъ только по занятіи заваловъ, такъ что первые всадники, ступившіе на правый берегъ, встрѣтились съ нами уже въ полуверстѣ за завалами. Къ этой ошибкѣ присоединилась еще другая; въ головѣ кавалеріи находились кубинцы, а Гаджи-Мурадъ, видя свое совершенное пораженіе, прикрылъ конницею мюридовъ густыя толпы бѣгущихъ, бросая на гибель пѣшихъ Лезгинъ, разбѣгавшихъ по долинамъ. Вотъ надъ ними-то потѣшились кубинцы, и что уцѣлѣло отъ штыковъ, то пало подъ шашками; но конныхъ мюридовъ милиція атаковать не осмѣлилась, а когда вышли на правый берегъ драгуны и казаки, бывшіе въ хвостѣ колонны, то толпы бѣгущихъ были уже далеко. Видя взятіе заваловъ, Кибитъ-Магома также обратился въ бѣгство; жители селенія проводили его съ оружіемъ; потерпѣвъ большую потерю, онъ соединился у Ахтовъ съ Гаджи-Мурадомъ. На высотѣ Мескинджи мы нашли лишь нѣсколько десятковъ лезгинскихъ головъ, подвешенныхъ намъ Татарами для полнаго убѣжденія, что

они люди храбрые и вѣрные. Равнина отъ заваловъ до саводовъ мескинджинскихъ покрылась трупами. Солдаты кололи съ ожесточеніемъ; многіе докалывали раненыхъ, распростертыхъ на землѣ. Нашелся одинъ ширванецъ, который занимался этимъ чернымъ дѣломъ. Съ шашкой наголо, онъ не пропускалъ ни одного несчастнаго раненаго, и едва замѣчалъ какіе-нибудь признаки жизни въ окровавленномъ тѣлѣ, сейчасъ принимался за дѣло. Но Аргутинскій узналъ объ этомъ, и горе было негодяю. Видя ожесточеніе солдатъ, Аргутинскій спасалъ Лезгинъ, поручая ихъ офицерамъ на ихъ отвѣтственность; но и за карауломъ плѣнные не всегда были безопасны; случалось, что нѣсколько солдатъ, отуманенныхъ кровью, вырывали бѣдняка изъ среды зазѣвавшагося караула и посылали его къ праотцамъ. Но вотъ Аргутинскій нѣзжаетъ на кучку плѣнныхъ, останавливается, смотреть на нихъ пристально, вырываетъ изъ середины молодого Лезгина лѣтъ восемнадцати и, сверкнувъ глазами, приказываетъ заколоть несчастнаго; мальчикъ сперва испугался, но сейчасъ пришелъ въ себя, судорожно сжегился и съ безмолвнымъ трепетомъ опрокинулся назадъ, когда солдаты вонзили штыки въ его сухое тѣло. Никто не смѣлъ спросить мрачнаго вождя о причинѣ этого поступка; всѣ старались отгадать ее, но никто ничего не узналъ.

Я оцѣнилъ бой тогда только, когда по взятіи заваловъ упало горячее увлеченіе, и я очутился среди побоища. Какія чувства замѣнили тогда напряженіе битвы? Состраданіе, и что-то болѣзненное, очень болѣзненное. Я не могъ ни смотрѣть на пролитую кровь, ни оторвать глазъ отъ нея; неодолимое любопытство влекло къ грустному зрѣлищу, а сердце сжималось и противилось жестокому любопытству;—но какъ не смотрѣть? Здѣсь знакомый солдатъ, тамъ товарищъ; одинъ умеръ, другой умираетъ, третій ждетъ своей участи, съ тоскою ждетъ медика и жадно смотритъ ему въ глаза, желая прочесть: что въ нихъ—жизнь или смерть; но медикъ исполняетъ свое дѣло, молчитъ, и лицо его одинаково для всѣхъ; напрасна пытливость раненаго. На самомъ завалѣ сидѣлъ Лазаревъ облитый кровью; странно было видѣть эту мужественную и колоссальную фигуру, склонившуюся подъ бременемъ страданій; его какъ ребенка поддерживали

два солдата, а онъ машинально снималъ и надѣвалъ огромную папаху. Скрѣпя сердце я шелъ впередъ; но все проходить, ко всему люди привыкають, и привыкають скоро. Въ мескинджинскихъ садахъ я былъ уже не тотъ, какъ на завалѣ; сердце не сжималось такъ крѣпко и нервы уже не отзывались болѣзненно. А послѣ, чрезъ нѣсколько лѣтъ, какія побоища приходилось мнѣ видѣть! Тяжело подумать, съ какимъ равнодушіемъ приучаемся мы разсматривать полебитвы; его мрачный видъ даже не портитъ веселаго расположенія духа, если сраженіе выиграно.

Дѣло было кончено, оставалось узнать, цѣлы ли Ахты; мы быстро шли впередъ, но Лезгины бѣжали еще быстрее, и когда князь Аргутинскій съ драгунами пріѣхалъ къ Ахтамъ, то не нашелъ тамъ непріятеля. Гарнизонъ въ ружьѣ съ нѣмымъ изумленіемъ смотрѣлъ вокругъ себя. Оставленные безъ надежды на спасеніе послѣ нашего отступленія 18-го числа, защитники Ахтовъ приготовились къ смерти, ожидая ее скоро и равнодушно; они собирали силы, чтобъ умереть съ достоинствомъ храбрыхъ, платя ударъ за ударъ, и оставить о себѣ грозную память на Кавказѣ и въ цѣлой Россіи. Хотя гарнизонъ и замѣтилъ движеніе непріятеля внизъ по Самуру, но онъ не слышалъ слабыхъ выстрѣловъ нашей артиллеріи при Мескинджинской атакѣ, а подступы къ укрѣпленію продолжались съ тою же дѣятельностію, и третій, безъ сомнѣнія послѣдній, штурмъ былъ близокъ; онъ могъ произойти 23-го или 24-го. Но вдругъ толпы непріятеля взволновались и потянулись къ аулу, оставляя крѣпость; чрезъ нѣсколько времени явились другія толпы отъ Мескинджи и также быстро исчезли: вслѣдъ за тѣмъ снова показалась конница, быстро подошла къ Ахтамъ, — и князь Аргутинскій убѣдилъ Ахтинцевъ, что они спасены. Пораженные изумленіемъ, они восторжески только въ эту минуту; спасители и освобожденные смѣшались въ одну толпу; порывы радости искренней и глубокой овладѣли гарнизономъ; объятія, поцѣлуи, смѣхъ и слезы, крики восторга и теплыя молитвы сливались въ одно трогательное цѣлое. Знакомые и незнакомые, кто не перебивалъ въ объятіяхъ другъ друга! Разказами еще не было мѣста; отрывистые вопросы и отвѣты удовлетворяли пока самое жадное любопытство. Живщины также принимали участіе въ

выраженіи радости; но самая интересная изъ Ахтинокъ, дочь полковника Рота, осталась при раненомъ отцѣ невидимою для насъ. Главное вниманіе обращалъ на себя истинный защитникъ и спаситель Ахтовъ, капитанъ Новоселовъ; блѣдный, изнуренный многочисленными ранами прежнихъ экспедицій, слабый еще отъ раны, полученной за нѣсколько дней, съ лицомъ вялымъ и истомленнымъ, онъ былъ лишенъ геройскаго вида. Но дѣла его были на лицо! Весь гарнизонъ, други и недруги, называли его виновникомъ искусной и упорной обороны, той нравственной высоты, на которую поставленъ былъ гарнизонъ, и той холодной рѣшимости, съ которою онъ обрекъ себя смерти. Напрасно отыскивалъ я въ Новоселовѣ наружныхъ признаковъ героя; отсутствіе грознаго вида озадачило меня до крайности, а замѣчанія окружавшихъ, сказанныя сдержаннымъ голосомъ, показали, что не у меня одного колебалось понятіе о герояхъ вообще. Да и какъ могли устоять эти понятія, когда передъ нами былъ живой настоящій герой, не властвующій ни тяжелымъ кулакомъ, ни мечомъ Роланда! Чѣмъ болѣе было бѣдствій, тѣмъ выше поднимался этотъ герой во взглядѣ окружавшихъ. Не знаю, какъ думалъ объ этомъ Аргутинскій, но прежде чѣмъ благодарить Новоселова за его заслуги, онъ распекъ его за вылазку 18-го числа.

Дѣло 22 сентября выиграно рѣшимостью и умѣньемъ пользоваться мѣстностью, которымъ такъ отличаются кавказскія войска. Мескинджинская позиція, крѣпкая съ фронта, безопасная съ фланговъ, способствуетъ сильной оборонѣ; она была усилена высокими завалами, расположенными съ обычнымъ искусствомъ горцевъ, и занята непріателемъ силою до 7.000 человекъ, подъ начальствомъ наибо извѣстнаго храбростью и влияніемъ въ горахъ Дагестана. Но ширванцы не колебались во время атаки; 1-й и 3-й батальоны, встрѣтивъ неприступный завалъ, рѣшили въ одно мгновеніе, что не имъ рѣшить бой, а Кишинскій, въ то же самое время, когда были остановлены батальоны, ускорилъ свое движеніе, овладѣлъ заваломъ почти неприступнымъ и принудилъ непріателя оставить почти безъ бою остальные завалы. Непріатель потерялъ 300 убитыхъ и 60 плѣнныхъ на полѣ сраженія; партія Кибитъ-Магомы потеряла до 100 человекъ при проходѣ черезъ деревню Мескинджи; но

потери непріятеля были еще значительнѣе во время его бѣдственнаго бѣгства по горамъ; снѣгъ, выпавшій тамъ въ ночь съ 22-го на 23-е, и непогоды въ послѣдующіе дни погубили нѣсколько сотъ Лезгинъ. Наша потеря заключалась въ 156 нижнихъ чинахъ и 6 офицерахъ; четверо изъ нихъ были лучшими офицерами ширванскаго полка. Подполковникъ Китинскій, раненый кинжаломъ, и поручикъ Лазаревъ были въ опасности, но капитанъ Добрышинъ былъ раненъ смертельно, а поручикъ Бухольцъ потерялъ ногу, раздробленную камнемъ, и оба умерли въ непродолжительномъ времени. Бухольцъ, живой, бойкій и остроумный, былъ любимцемъ и солдатъ, и женщинъ: Добрышинъ, скромный и застѣнчивый, перераждался въ огонь, и не было подвига, на который онъ не былъ бы способенъ. На всякомъ завалѣ онъ видѣлъ георгіевскій крестъ, и тогда единственная мысль его была—не позволить никому сорвать его. Утрата этихъ офицеровъ, возбуждая искреннее сожалѣніе товарищей и солдатъ, была утратой для всего полка. Но еслибы было выполнено прекрасное движеніе кавалеріи задуманное Аргутинскимъ, тогда горцы бросили бы завалы, и мы овладѣли бы мескинджинскимъ проходомъ съ ничтожною потерей. Куда бѣжали бы они, еслибы наша конница, выскочивъ на правый берегъ Самура, заняла узкую долину позади заваловъ? Налѣво неприступная гора, направо Самуръ; немногіе могли бы избѣгнуть смерти или плѣна. Конечно, рѣшась защищаться, непріятель не позволилъ бы нашей кавалеріи перейти даромъ на правый берегъ бѣшеной рѣки, но для нижегородцевъ этотъ подвигъ не составлялъ бы ничего необыкновеннаго, а генераль Джафаръ-Кули поставилъ ихъ въ хвостъ двухтысячной кавалерійской колонны. Нѣкоторые называли неподвижность Джафара во время дѣла благоразуміемъ, полагая обходное движеніе кавалеріи рискованнымъ, прежде успѣховъ пѣхоты; но вѣдь и ширванцы могли остановиться, выжидая успѣховъ кавалеріи. Такое благоразуміе съ обѣихъ сторонъ не повело бы насъ далеко; извѣстно, что всякая атака есть рискъ, а благоразуміе въ начальникѣ отдѣльной части, получившемъ опредѣленное приказаніе, достоинство очень двусмысленное.

Видъ Ахтинскаго укрѣпленія 22 сентября былъ очень назидателенъ для юныхъ и жаркихъ поклонниковъ военныхъ упражненій; онъ представлялъ во всемъ блескѣ пре-

лести войны. Разрушенныя стѣны опоясывали пространство, наполненное хаотическимъ смѣшеніемъ всего что служить на потребу людямъ; бревна, доски, кули съ мукою, бочки, битая посуда, разломанныя повозки, артиллерія, тряпье,—все это наполняло площадки между зданіями разрушенными или поврежденными взрывомъ. Самыя зданія обратились въ госпиталь, гдѣ лежала половина гарнизона; беспорядокъ и нечистота, слѣдствія тѣсной осады, выгоняли изъ укрѣпленія самыхъ любопытныхъ изъ насъ; а вокругъ, на гласисѣ и во рвахъ, лежали тѣла Лезгинъ, смердѣвшія разложеніемъ. Но непріятель, несмотря на дѣятельную осаду, не можетъ вполне присвоить себѣ дѣла разрушенія. Укрѣпленіе, не представляя ничего замѣчательнаго въ своей постройкѣ, по начертанію профиля и по вооруженію ¹, было бы достаточно сильно для отраженія кавказскихъ горцевъ, еслибы только отчасти строитель, отчасти гарнизонъ не усовершенствовали его способомъ самымъ пагубнымъ для обороны. Главную ограду составлялъ мѣстами земляной валъ съ каменнымъ эскарпомъ, а мѣстами наружная стѣна оборонительныхъ казармъ; но эскарпъ въ видѣ бруствера поднимался не болѣе аршина надъ валомъ; вокругъ былъ ровъ разной глубины, отъ 5 до 2 аршинъ, а шириною съ восточной стороны до 6 сажени, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ онъ едва достигалъ до полуторы сажени. Такая недостаточная ширина рва оставляла безъ боковой обороны три угла изъ пяти. Правда, склоненіе мѣстности передъ тремя фронтами укрѣпленія не позволяло сдѣлать рововъ широкими, а подошва покатостей, склоняющихся отъ крѣпости, была закрыта отъ крѣпостнаго огня. Но самая замѣчательная хитрость была на фронтѣ, обращенномъ къ Ахты-чаю: здѣсь мѣстность быстро спускается отъ самой стѣны укрѣпленія, лишая возможности выкопать ровъ, но его все-таки сдѣлали помощью насыпнаго контръ-эскарпа и гласиса. За то человекъ, ставшій во весь ростъ у подошвы этого гласиса, былъ не виденъ съ вала. Далѣе, въ 15 саженьяхъ отъ укрѣпленія выстроенъ былъ рядъ глубокихъ и прочныхъ землянокъ для ротнаго двора, безъ всякаго приспособленія къ защитѣ. Въ укрѣпленіи не было ни туровъ, ни фашинъ для закрытія людей на валу, а для ору-

¹ Въ немъ было 14 орудій.

дѣй, дѣйствовавшихъ поверхъ вала, не было щитовъ. Наконецъ запасы пороха, зарядовъ и патроновъ хотя и были въ пороховомъ погребѣ, но это все равно что подъ открытымъ небомъ, потому что потолокъ погреба былъ пробитъ одною изъ 6-фунтовыхъ гранатъ, брошенныхъ непріателемъ. 10-го сентября непріатель явился въ селѣ Ахты. Шамиль собралъ совѣтъ старшинъ, потомъ вышелъ на крышу сакли показаться народу; на немъ была лисья шуба. „Я слышалъ, что у васъ зимою холодно,“ сказалъ онъ трянувъ шубою, — „и запаса теплымъ.“ Предсѣвшіе выразили удивленіе къ глубокой предусмотрительности имама. 14-го непріатель обложилъ укрѣпленіе. Гарнизонъ все еще состоялъ изъ одной линейной роты и своею численностью вовсе не соотвѣтствовалъ величинѣ укрѣпленія и обширности предстоявшихъ оборонительныхъ работъ; но во время самого обложенія выросла какъ изъ земли 5-я гренадерская рота ширванскаго полка, подъ командой штабсъ-капитана Тизенгаузена; съ нимъ былъ Новоселовъ въ качествѣ волонтера. Встревоженный непріатель пытался остановить ширванцевъ; но маленькая колонна стройно пошла на укрѣпленіе, очищая дорогу штыками и пулями, и благополучно соединилась съ гарнизономъ, который принялъ ее съ восторгомъ, потому что начиналъ живо чувствовать свое безсиліе въ виду многочисленнаго непріателя. 5-я гренадерская рота пришла изъ штабъ-квартиры ширванскаго полка, Кусаръ. Нашею бригадою командовалъ генералъ-майоръ Бриммеръ¹; узнавъ о занятіи непріателемъ Ахтовъ, онъ привелъ Кусары въ оборонительное положеніе и вооружилъ всѣхъ способныхъ носить оружіе, имѣя въ своемъ распоряженіи только одинъ 5-й батальонъ. Несмотря на обширность штаба, онъ не колебался послать подкрѣпленіе въ Ахты, и не ожидая распоряженій Аргутинскаго, отправилъ туда гренадерскую роту въ составѣ 260 штыковъ. Она сдѣлала переходъ въ 70 верстъ, и 14-го числа въ 4 часа пополудни была въ Ахтахъ. На другой день, даже нѣсколькими часами позже, рота не проникла бы въ Ахты и, вѣроятно, не въ состояніи была бы отступить на такое огромное разстояніе какъ Хазры или Кусары, съ утомленными людьми, подъ ударами сильнаго

¹ Въ послѣдствіи генералъ-лейтенантъ, комендантъ крѣпости Ново-георгіевска.

непріятеля. Помощь небесъ не была бы болѣе кстати для Ахтинскаго укрѣпленія, какъ приходъ ширванцевъ. Съ этимъ согласятся всѣ защитники Ахтовъ и всѣ видѣвшіе Ахты 22 сентября 1848 года.

Я сказалъ, что Новоселовъ былъ волонтеръ. Въ 1848 году онъ лѣчился отъ ранъ; возвратясь въ Кусары, онъ поѣхалъ въ отрядъ, но былъ дурно принятъ командиромъ полка, уѣхалъ обратно въ Кусары, и просилъ Бриммера послать его въ Ахты, прикомандировавъ къ гренадерской ротѣ. Такимъ неожиданнымъ способомъ очутился въ Ахтахъ главный ихъ защитникъ.

Усиленный гарнизонъ ободрился; но уже было поздно избѣгнуть бѣдствій осады. Съ самаго появленія непріятеля, опасность была несомнѣнна; но низенькій брустверъ укрѣпленія не былъ возвышенъ, пороховой погребъ оставался съ своею аэирною крышей, а гласисы и ротные дворы такъ и манили непріятеля подъ свою защиту. Татары селенія Ахтовъ, пустивъ къ себѣ непріятеля безъ выстрѣла, явились къ коменданту съ предложеніемъ помѣститься въ укрѣпленіи, и защищать его вмѣстѣ съ солдатами; но они уже измѣнили намъ, семейства ихъ и имущество были въ рукахъ непріятеля; поэтому просьба Татаръ была вторая измѣна. Полковникъ Ротъ не пустилъ ихъ въ крѣпость, но предложилъ имъ защищаться во рву крѣпости, и выдалъ имъ 15 или 20 тысячъ патроновъ; Татары дѣйствительно пустили ихъ въ дѣло, но противъ насъ, присоединившись къ непріятелю. Непріятель занялъ сады, обрывы Ахты-чая, землянки ротнаго двора, и открылъ по укрѣпленію ружейный огонь; солдаты ползали по валу, и каждый, кто показывался изъ за бруствера, платилъ за то жизнію или раной. Крѣпостная артиллерія пробовала дѣйствовать, но въ одинъ день изъ 27 артиллерійскихъ солдатъ осталось только шесть; самъ комендантъ былъ раненъ; гранаты, бросаемыя въ укрѣпленія изъ маленькой мортиры, взорвали пороховой погребъ; взрывъ разрушилъ цѣлый бастионъ, повредилъ много строеній, и вывелъ изъ строя 70 человекъ. Непріятель штурмовалъ разрушенную часть, но былъ отбитъ; однакожь столько бѣдствій въ одинъ день имѣли вліяніе на гарнизонъ, особенно благодаря безначалію. И вотъ, чтобы положить безначалію конецъ, общій совѣтъ офицеровъ выбираетъ

мендантомъ Новоселова, минул старшихъ. Первымъ дѣломъ новаго коменданта было вывести сорокъ человекъ, занимавшихъ мостовое укрѣпленіе на Самурѣ; орудіе, тамъ находившееся, заклепали, лафетъ разломали, а люди счастливо достигли укрѣпленія. Оставаясь въ мостовомъ укрѣпленіи безъ помощи изъ Ахтовъ, безъ хлѣба и воды, они были бы обречены на вѣрную гибель. Немедленно уложили брустверъ кулями съ мукой, и небольшимъ числомъ туровъ, найденныхъ въ укрѣпленіи, а на разрушенной части устроили цѣлый валъ изъ кулей; орудія заслонили деревянными щитами; смычки туровъ и кулей закрыли фашинами, а оборонительную линію раздѣлили на участки, поручивъ каждый опытному офицеру;—и гарнизонъ съ новыми надеждами принялся за оборону.

Между тѣмъ непріятель началъ осадныя работы. Съ одной стороны укрѣпленія, Лезгины шли траншеей; съ другой, избѣгая трудной работы земляныхъ подступовъ, они складывали продолговатыя кучи дровъ параллельно нашимъ веркамъ, и усѣвшись за ними, день и ночь перекидывали полѣнья чрезъ кучу съ задней части на переднюю ея часть, обращенную къ крѣпости; такимъ образомъ эти дровяныя закрытія плавно и незамѣтно шли на крѣпость. Пользуясь закрытымъ мѣстомъ за огромнымъ гласисомъ къ Ахтычаю, Лезгины пошли подкопомъ на первый исходящій уголъ; сперва они круто спустились, а потомъ повели, подкопъ горизонтально подъ дномъ рва. Но глазъ Новоселова былъ вездѣ. Не будучи въ состояніи, по малочисленности гарнизона, идти подъ землею на встрѣчу непріятелю, или разбить его подкопъ колодцемъ изъ рва, Новоселовъ откатилъ орудіе на нѣсколько саженой отъ исходящаго угла и сдѣлалъ въ этомъ мѣстѣ ретраншементъ изъ кулей, въ срединѣ котораго поставилъ орудіе, зарядивъ его картечью. Окончивъ подкопъ, непріятель зарядилъ его и взорвалъ. Взрывъ былъ сигналомъ втораго штурма. Лезгины ринулись на три угла; впереди шли двое, желавшихъ добыть дочь Рота; Шамиль общалъ ее тому, кто первый войдетъ въ укрѣпленіе. Одинъ изъ этихъ двухъ былъ нашъ бѣглый солдатъ. Потомъ шли мюриды и значки, за ними толпа простой рати, а сзади опять мюриды съ шашкой въ правой и ногой въ лѣвой рукѣ; они стегали всякаго кто заминался, и рубили того кто пятился назадъ.

Непріятель ворвался въ обвалъ сдѣланный миной, но картечь чуть не въ упоръ уложила многихъ смѣльчаковъ; другихъ перекололи штыками; удѣлѣвшіе поспѣшили укрыться за гласисомъ, и нападеніе не повторилось. Штурмъ на бастіонъ, разрушенный взрывомъ погреба, былъ отбитъ прапорщикомъ ширванскаго полка Бенетомъ, а штурмъ на третій уголъ—подпоручикомъ гарнизонной артиллеріи Шлиттеромъ. Еще разъ гарнизонъ отстоялъ себя, но положеніе его было ужасно, и тѣмъ ужаснѣе, что было безнадежно. Послѣ появленія и удаленія отряда, 18-го сентября, Ахтинцы полагали, что князь Аргутинскій потерпѣлъ неудачу, и невольно вспоминали 1843 годъ, когда колонна дагестанскаго отряда, подъ начальствомъ генерала Гурко, показала въ виду бывшаго укрѣпленія Гергебиля, для того только чтобъ быть свидѣтельницей гибели гарнизона. Никто не думалъ, чтобъ Аргутинскій, съ его понятіями о чести, могъ ознаменовать себя такимъ дѣломъ, но опасались неудачи для отряда. Безнадежность вселяетъ апатію, а въ Ахтахъ нужна была самая напряженная дѣятельность, не для того чтобы жить, а для того чтобъ умереть съ честью; тикъ понималъ свое положеніе Новоселовъ! Ничего не зная о Бучкиевѣ, онъ послалъ, послѣ отраженія штурма, двухъ солдатъ ширванскаго полка на поискъ отряда,—тѣхъ самыхъ, которые вечеромъ 21-го сентября явились къ Аргутинскому на бивакъ при Зукулѣ. Недостатокъ людей былъ замѣненъ женщинами, преимущественно въ исполненіи госпитальной службы; но нѣкоторыя изъ женщинъ носили заряды на батарее, а одна старушка, сестра гарнизоннаго артиллериста Тимоѣева, безсмѣнно была на часахъ у склада боевыхъ припасовъ, и сидя на камнѣ, шила зарядные мѣшки. Скучная раздача провіанта производилась съ совершенною аккуратностію; на оборонительной линіи знали, гдѣ непріятель шелохнулся; бдительность поддерживалась сказываніемъ сказокъ и посюяннымъ присутствіемъ Новоселова. Труды и бессонница склонили много слабыхъ душъ къ чарочкѣ; но Новоселовъ пресѣкъ это утѣшеніе, разбивъ всѣ бочки спирта. Даже близкая, какъ полагали, гибель гарнизона не была предоставлена случайности. Новоселовъ артистически сгруппировалъ оставшіеся боевые припасы, и гарнизонъ не сомнѣвался, что въ минуту взятія укрѣ-

пленія все кончится однимъ ударомъ; молча и равнодушно занимались солдаты своими погребальными приготовленіями, забывая въ этомъ занятіи огонь непріятеля. Весь гарнизонъ слился въ одну душу, въ одну волю.

Въ этомъ положеніи застало его освобожденіе; оно было совершенно неожиданно. Славные защитники отъ ожиданія неизбежной смерти мгновенно очутились въ кругѣ жизни со всѣми ея надеждами; потрясеніе этого перехода было такъ сильно, что разстрогало самыя закаленные натуры.

Послѣ побѣды настали дни кары для виновныхъ; еще на дорогѣ къ Ахтамъ князь Аргутинскій приказалъ заколоть одного изъ плѣнныхъ. Осмотрѣвъ и распросивъ въ Ахтахъ плѣнныхъ, онъ взялъ за руку одного виднаго Лезгина, подвелъ его къ фронту 2-го ширванскаго батальйона и предоставилъ его солдатамъ. „Это большой мошенникъ, сказалъ онъ имя, дарю его вамъ ребята, поднимите его на штыки!“ И приказаніе было исполнено.

Въ послѣдующіе дни, 23 и 24, такому же рѣшенію подверглись еще нѣсколько ахтинскихъ Лезгинъ. Но когда грозный князь воротился въ Ахты, то въ послѣднихъ числахъ сентября произошла потрясающая казнь; къ нему привели пятерыхъ Лезгинъ—трехъ мужчинъ и двухъ женщинъ, жителей Кумухскаго ханства, пойманныхъ и уличенныхъ въ стараніяхъ разжечь волненіе въ народѣ, во время ахтинской осады. Аргутинскій ходилъ передъ палаткой въ своемъ историческомъ, засаленномъ бешметѣ, и покуривалъ трубочку съ коротенькимъ чубукомъ, не менѣе достопамятнымъ для жителей Дагестана, потому что съ нимъ познакомились много муллъ, эфендіевъ, гаджи и другихъ знатныхъ людей, когда онъ ходилъ по ихъ головамъ; для этого съ чубука снималась трубка, а чубукъ принималъ роль дубинки. Поговоривъ съ Лезгинами, князь обратился къ караулу: „Караульные, разобрать ружья,“ и взявъ одного изъ Лезгинъ, приказалъ заколоть его, вслѣдъ затѣмъ онъ вывелъ другаго и третьяго; обезумѣвъ отъ ужаса, они безсмысленно смотрѣли на гибель перваго товарища и не трогались съ мѣста; ни у мужчинъ, ни у женщинъ не достало словъ для мольбы, но женщины были пощажены; не знаю что случилось съ ними послѣ. Былъ еще случай ускореннаго правосудія; изъ Кубы

въ лагерь при Ахтахъ былъ присланъ тамошній бекъ, какъ измѣнникъ во время ахтинскаго возстанія, но онъ явился не арестованнымъ, а пріѣхалъ какъ гонецъ съ бумагами отъ уѣзднаго начальника. Аргутинскій прочелъ бумаги, долго и спокойно говорилъ съ бекомъ и приказалъ его арестовать. Обезоруженіе, сколько мы замѣтили, не произвело на Татарина особаго впечатлѣнія; вѣроятно, онъ сознавалъ свои продѣлки и не удивлялся аресту; къ тому же онъ видѣлъ милость князя въ его мягкомъ обращеніи, а изъ-подъ суда надѣялся вывернуться, какъ и прежде вывертывался находясь подъ судомъ по уголовнымъ дѣламъ. Но каково было его изумленіе, когда послѣ вторичнаго допроса Аргутинскій приказалъ его заколотъ: онъ всплеснулъ руками, началъ говорить, но слова вмѣстѣ съ жизнію замерли на губахъ его. Это была послѣдняя жертва гнѣвнаго князя. Дагестанъ трепеталъ, и въ остальныхъ саучаяхъ достаточно было маленькаго чубука, который и не остался безъ дѣла.

Ночь послѣ Мескинджи мы провели на бивакѣ подъ стѣнами Ахтовъ. Погода изъ теплой быстро перешла въ суровую осень, напоминая, что мы недалеко ушли отъ Дагестанскихъ горъ; дождь заливалъ наши костры изъ фруктовыхъ ахтинскихъ деревьевъ. Оставался одинъ стогъ сѣна для цѣлаго отряда, но онъ разошелся по клочкамъ, и тѣ, которые ходили удивляться ахтинскимъ героямъ и смотрѣть разрушеніе, нашли только остатки стога, на которыхъ лежали солдаты. Кто остался безъ подстилки, такъ растянулся въ грязи и съ терпѣніемъ или съ нетерпѣніемъ ждалъ утра; но ночь тянулась невыносимо долго, и чѣмъ сильнѣе хлесталъ дождь и завывалъ вѣтеръ, тѣмъ злѣе становились люди, лежавшіе на сѣнной подстилкѣ. Князь Гагаринъ, рѣшившись съ вечера ночевать какъ Спартавецъ, чрезъ нѣсколько часовъ ослабѣлъ въ этой рѣшимости, и вздумалъ оттягивать у какихъ-то солдатъ клочокъ подстилки, но получилъ отказъ: солдаты, закутавшись въ шинели, сердито ворчали. Бѣдный Гагаринъ бродилъ цѣлую ночь и заболѣлъ горячкой.

Освѣщенные этою ночью, мы двинулись утромъ 23-го вверхъ по Самуру. Славный аулъ Ахты какъ будто выдержалъ осаду; окна были выбиты, улицы завалены разнымъ хламомъ и

немногіе жители сидѣли пригорюнившись. На углу большой сакли, на камнѣ, сидѣла красивая дѣвушка, и несмотря на шумъ нашего движенія, тупой взглядъ ея ни разу не оторвался отъ дали, въ которую она глядѣла безсознательно. Каріе глаза ея и безъ слезъ выражали разрушительное горе. Многіе изъ насъ пробовали заговаривать съ нею, но она не пошевелинулась, и взглядъ ея не измѣнялъ направления. Переправа чрезъ Ахты-чай по воздушному ахтинскому мосту ¹ стоила намъ нѣсколькихъ часовъ; Лезгины не успѣли разрушить его во время бѣгства и сорвали только настилку. Ее возобновили, но она прыгала подъ ногами лошадей, что было не совсѣмъ успокоительно при ширинѣ моста въ одинъ аршинъ, безъ перилъ, и на высотѣ восьми или десяти сажень надъ кипящею водою. Лезгины и лошади ихъ такъ привычны къ обрывамъ, что перила на мостахъ, даже вьючныхъ, какъ ахтинскій (а подобныхъ много въ городахъ), считаются бесполезными и никогда не дѣлаются. По дорогѣ приводили намъ плѣнныхъ и раненыхъ, и являлись жители бывшіе челомъ Аргунинскому. Но князь находилъ, что не настала еще пора для словъ милости. Онъ пропустилъ безъ вниманія нѣсколько ауловъ и остановилъ колонну близъ селенія Хрюкъ. Войска уже расположились отдыхать, а изъ аула никто не показывался; онъ былъ пустой, потому что принималъ въ возстаніи горячее участіе, болѣе всѣхъ прочихъ ауловъ Самурскаго округа, и жители, зная строгость Аргунинскаго, сочли за лучшее избѣжать первыхъ проявленій его гнѣва. Ихъ нашли однако въ какой-то трущобѣ вблизи селенія, и зачинщики возмущенія были приведены къ князю; онъ велѣлъ заколотъ ихъ, а Хрюкъ разграбить. Какъ голодные волки, ринулись солдаты на аулъ! Рогатый скотъ и бараны были въ нѣсколько минутъ пойманы и переколоты, аулъ былъ расхищенъ до чиста, даже пострадала недвижимость; солдаты тащили на бивакъ двери, ворота и цѣлыя бревна. Одинъ солдатъ говоритъ: „ворота знатныя, да что въ нихъ толку?“ Другой возражаетъ ему: „а что если возьмутъ Самурцы? вѣдь жалко будетъ, ишь какъ они къ нимъ

¹ Онъ былъ изображенъ въ *Памятной книжкѣ*, нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

подбираются!“ И вслѣдствіе такого довода оба снимають ворота, а Самурцы, которые и не думали подбираться къ воротамъ, видя ихъ уже въ рукахъ солдатъ заключаютъ: „вѣдь для чего-нибудь пригодятся,“ и тащутъ себѣ огромное бревно. Драгунъ несетъ изъ сакли зеркало и кувшинъ съ медомъ; онъ выбирается на просторъ, зеркало ставитъ къ стѣнкѣ, а самъ садится на камень насупротивъ; ружье и кувшинчикъ располагаются подлѣ камня. Засучивъ рукава, онъ начинаетъ ѣсть медъ горстями, не сводя глазъ съ зеркала и безпрестанно поправляя усы и прическу; долго сидѣлъ сибаритъ за лакомствомъ, отдуваясь, отпиваясь водой, потирая животъ и охорашиваясь. Но до дна кувшина далеко, а душа его уже насытилась; онъ взялъ ружье, далъ горшку пинка, прикладомъ разбилъ зеркало въ дребезги, и пошелъ себѣ домой. На бивакѣ уже готовился гомерическій, вѣрнѣе мингрельскій ужинъ, потому что въ Мингрелии ѣдятъ болѣе чѣмъ ѣли Греки глубочайшей древности. Большіе артельные котлы, маленькіе солдатскіе котелки, офицерскія кострюли, все было въ ходу; жидкости въ нихъ было очень мало, но мясо, смѣсь баранины, говядины и курятины, наполняло ихъ до краевъ, а приправа состояла изъ крупъ, пшеницы, кукурузы, чесноку, фруктовой кислоты, сушеныхъ фруктовъ, коровьяго масла и перца; я пробовалъ это блюдо безъ названія оказывалось что-то необыкновенно питательное. Кромѣ того, на шомполахъ дѣлались шашлыки и съѣдались какъ закуска; доски, двери и ворота служили столами для битковъ; молоко расходовалось умеренно, какъ сласть, вѣроятно для смягченія вкуса. Послѣ сытнаго, но не совсемъ чистаго обѣда, потому что птица въ видахъ сокращенія труда не обваривалась, а просто ошипывалась, и то на половину, и не у всѣхъ потрошилась, котлы съ котелками снарядились вновь. Такъ продолжалось до утра; по крайней мѣрѣ, просыпаясь ночью отъ мороза, я постоянно видѣлъ варившихъ и ужинавшихъ.

24-го, мы стали возлѣ Рутула Аргутинскій пощадилъ этотъ большой аулъ, приказавъ старшинамъ выдать войскамъ безплатно все необходимое для нихъ количество фуража. Рутуль хорошо отстроены, но мѣстность его очень мрачная. 25-го, легкая колонна ходила въ Лючекъ, верхнее изъ селеній Самур-

скаго округа и къ вечеру возвратилась къ главнымъ силамъ въ Рутулъ. Непріятель исчезъ окончательно; жители Самурскаго округа возвратились въ селенія и все успокоилось. 26-го мы стали у Ахтовъ. Сдѣлавъ распоряженіе о передѣлкѣ укрѣпленія и назначивъ слѣдственную и военную комиссію для разысканія и наказанія виновныхъ Ахтинцевъ, Аргутинскій пошелъ съ отрядомъ черезъ Кумухъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру, оставивъ подъ Ахтами ширванцевъ. Къ 1-му ноября работы кончились, и мы были уже на зимнихъ квартирахъ.

Покушеніе Шамиля на Самурскій округъ, надѣлавшее въ Дагестанѣ столько тревоги, пало на его же голову. Послѣ успѣховъ въ 43 и 45 годахъ, Шамилю не посчастливилось въ 46 году при вторженіи въ сѣверный Дагестанъ, а въ два послѣдующіе года онъ потерялъ Салты и Гергебиль, приготовленные имъ къ упорной защитѣ. Желая изгладить изъ памяти мюридовъ послѣднія неудачи и поколебать наши горскія племена, онъ выбралъ для своихъ ударовъ долину Самура, для того чтобы взятіемъ Ахтовъ, очень важныхъ по своему положенію, устрасить впечатлительныхъ мусульманъ. Разчетъ Шамиля былъ хорошъ, время, когда отрядъ нашъ былъ распущенъ, выбрано имъ вѣрно, и трудно сказать, въ чемъ заключились причины его неудачи. Взятіе Ахтовъ до 22-го сентября было возможно, ибо укрѣпленіе пришло въ отчаянное положеніе, независимо отъ усилій непріятеля. Да и напрасно отыскивать причины успѣховъ или неуспѣховъ рати Шамиля; въ ней было много военныхъ элементовъ, но въ ней отъ малаго до великаго всѣ дѣйствовали на удачу, какъ во всякой неустроенной вооруженной силѣ. Уже одно желаніе остановить насъ у Мескинджи можно считать ошибкой въ военномъ смыслѣ. Посредствомъ завала на мѣстности хотя крѣпкой, но доступной, и нѣсколькихъ тысячъ вооруженной толпы, — нѣтъ возможности остановить сильнаго отряда, имѣющаго всѣ средства для упорной атаки. Будучи отбиты, мы могли штурмовать завалы еще нѣсколько разъ; допуская даже полную неудачу повторенныхъ атакъ, мы могли обойти мескинджинскую позицію, и не въ одномъ мѣстѣ. Зная наши войска, Шамиль не могъ надѣяться остановить рѣшительнаго князя Аргутинскаго такими

средствами. Но Шамиль болѣе политикъ чѣмъ военный человѣкъ; онъ распорядился дать дѣло, разчитывая въ случаѣ неудачи сказать, что на этотъ разъ судьба ему не благоприятствовала, и внушить Татарамъ Самура, что, покоряя страну, онъ защищаетъ ее, а не предаетъ на жертву Русскимъ. Узнавъ о пораженіи при Мескинджи, Шамиль сѣлъ на лошадь и, сохраняя спокойствіе, сказалъ Ахтинцамъ: „надобно укрѣпить вашу деревню; поѣду взглянуть какъ построить укрѣпленіе“. Переѣхавъ мостъ, онъ отправился въ Рутулъ съ своими тѣлохранителями и оттуда уѣхалъ на слѣдующій день во свояси. Ему ничего болѣе не оставалось; броситься въ Дагестанъ съ голодною и унылою толпою было невозможно; тамъ были укрѣпленія и нѣсколько подвижныхъ батальоновъ; при малѣйшей остановкѣ, его застигъ бы Аргутинскій изъ Ахтовъ черезъ Курагъ, и довелъ бы до развязки чувствительнѣе мескинджинской; къ тому же измѣнилась погода, повалилъ снѣгъ и приближалась дагестанская зима, которую Лезгины, дурно одѣтые и еще хуже обутые, не могутъ переносить внѣ дома. Выручивъ Ахты, князь Аргутинскій могъ поставить непріятеля въ самое затруднительное положеніе, еслибы двинулся изъ Хозрека, чрезъ Алахукъ-дагъ и Ихрекское ущелье въ Лючекъ, и направилъ при этомъ батальонъ и часть милиціи для защиты Курага. Этимъ движеніемъ онъ закрылъ бы непріятелю отступленіе въ горы и заставилъ бы его безъ боя разсыпаться по горамъ для спасенія, а милиція при главномъ отрядѣ и въ Курагѣ ловила бы бѣглецовъ. Чрезъ главный хребетъ и его отроги на верховьяхъ Самура трудно проходить въ сентябрѣ по вьючнымъ дорогамъ. Провести отрядъ чрезъ эти ужасныя мѣста въ такое позднее время года можно только случайно, но Алахукъ-дагъ, какъ и всѣ отроги дагестанскихъ горъ отдаленные отъ главнаго хребта, всегда проходимы, когда нѣтъ метели, и я не знаю, отчего Аргутинскій не избралъ этого пути какъ кратчайшаго и общаваго самымъ выгоднымъ и рѣшительнымъ послѣдствіемъ. Можетъ-быть онъ опасался, двигаясь на Алахукъ-дагъ, открыть для непріятеля весь приморскій Дагестанъ, и полагалъ, что Шамиль рѣшится оставить Ахты, миновать Курагъ и броситься въ Кумухъ, Акушу или Куринское ханство; но такого отчаяннаго дѣйствія, ведущаго къ временному, случайному успѣху, а потомъ къ вѣрной ги-

бели, нельзя было ожидать отъ Шамиля; онъ не могъ и думать о такомъ отдаленномъ набѣгѣ, не имѣя другой опоры кромѣ полувзволнованнаго населенія приморскаго Дагестана. Можетъ-быть Аргутинскій надѣялся, что колонны лезгинскаго отряда пойдутъ черезъ главный хребетъ на сообщенія непріятеля, но эти колонны не оказали никакого содѣйствія. Генераль-лейтенантъ Шварцъ пытался пройти съ главными силами лезгинскаго отряда чрезъ перевалъ Сарубашъ, но не прошелъ, а генераль-майоръ Бюрно, работавшій съ двумя батальонами на военно-ахтинской дорогѣ, въ Шинскомъ ущельѣ, получивъ извѣстіе о вторженіи непріятеля, вмѣсто того чтобы идти чрезъ Салаватъ и прикрыть аулъ и укрѣпленіе Ахты, снялъ работы и поспѣшно отступилъ на плоскость. Словомъ, лезгинскій отрядъ не имѣлъ никакого вліянія на исходъ ахтинской экспедиціи, тогда какъ его помощь не позволила бы ни вторженію, ни возстанію принять значительные размѣры; все рѣшилъ одинъ князь Аргутинскій въ Мескинджи. Мескинджинское дѣло успокоило Дагестанъ, и вмѣстѣ съ взятіемъ Гергебиля нанесло сильный ударъ непріятелю въ 1848 году. По Ахтинской экспедиціи можно судить какимъ тяжелымъ испытаніямъ часто подвергаются кавказскія войска. Одинъ такой походъ можетъ закалить рекрута и новичка-офицера.

КАВКАЗЦѢ.